

Ночь сгущалась, шум городской суеты постепенно затихал, оставляя после себя лишь безмолвный берег. Шэнь Цинцы стоял у панорамного окна квартиры. На нем все еще было надето то самое темно-красное бархатное платье. Тяжесть бархата дарила странное утешение, словно это были боевые доспехи, защищавшие его после небольшой, но невероятно значимой для него попытки бунта.

Анонимное видео уже было опубликовано, словно камень, брошенный в глубины океана, от которого пока не последовало эха. Когда первоначальное напряжение и трепет начали утихать, в душе поднялось глубокое, сложное чувство — не раскаяние, не простое возбуждение, а долгое, болезненно-сладкое облегчение.

Он медленно подошел к мягкому дивану и сел. Полы бархатного платья рассыпались вокруг подобно огромным цветам, распускающимся в темноте ночи. В комнате не горел основной свет, лишь в углу мягко светил торшер, окутывая его тишиной.

В этой тишине мысли, которые весь день находились под строгим контролем, наконец расслабились. Осколки воспоминаний, которые он старательно запирает на засов, словно ракушки, выброшенные приливом, начали всплывать на поверхность.

Его детство было клеткой из золота и хрусталя.

С тех пор как он начал себя помнить, каждая деталь его жизни подвергалась тщательному планированию. Его игрушками были не машинки или оружие, как у других мальчиков, а высокоточные модели для развития логического мышления, имитационные столы для формирования деловой хватки и обязательные ежедневные занятия на фортепиано — вовсе не ради искусства, а ради воспитания аристократических манер и гибкости пальцев, чтобы в будущем при подписании важных документов рука оставалась спокойной и уверенной.

Он помнил, как в возрасте пяти лет случайно нашел в саду ярко переливающегося жука. Он был в восторге и, осторожно держа его в ладонях, побежал показать матери чудо природы. Но стоило матери увидеть его испачканные ручки и эту уродливую букашку, как на ее прекрасном лице отразилось не удивление, а неприкрытое отвращение и строгое предупреждение. — Цинцин, Наследник семьи Шэнь не может играть с такими грязными вещами. Твои руки созданы для власти, а не для соприкосновения с землей и насекомыми. В тот момент он смутно осознал: его собственные желания больше ему не принадлежат.

Его образование было прямой, как стрела, дорогой без единого поворота.

От лучшего частного детского сада до международной школы для детей политиков и бизнесменов, а затем и до ведущей мировой бизнес-школы — каждый его шаг в точности повторял чертеж, составленный семьей. Он не мог допустить ни малейшего отклонения, никаких бесполезных интересов. Однажды он заинтересовался горами, реками и историческими анекдотами из классической литературы, но одно слово отца легко стерло эти мысли о несерьезном: — Это развлечения для бездельников. Твоя арена — Уолл-стрит и столы переговоров. Твое время должно уходить на изучение финансовых отчетов и кейсов по

слияниям и поглощениям.

Он напоминал машину с загруженной совершенной программой, работая с высочайшей эффективностью. В таблице — только высшие оценки, полки в трофеях различных соревнований, в общении с людьми — учтивость при соблюдении идеальной дистанции. Он был эталоном ребенка из хорошей семьи, ослепительным будущим рода Шэнь. Похвала родственников и завистливые взгляды окружающих, словно прожекторы, намертво пригвождали его к сцене под названием Идеальный наследник.

У него почти не было друзей, вернее — вовсе не было настоящих.

Люди, окружавшие его, были либо льстецами с корыстными целями, либо друзьями семьи, отношения с которыми было необходимо поддерживать. Каждая встреча несла в себе четкий подтекст и напоминала небольшую дипломатическую тренировку. Он научился говорить в разных ситуациях нужные вещи, вечно сохраняя на лице вежливую, но не затрагивающую глаз улыбку. Со временем он привык к одиночеству и даже начал им наслаждаться, ведь только оставаясь абсолютно наедине с собой, он мог ненадолго сбросить эту тяжелую маску и вздохнуть.

Так когда же и как в этой, казалось бы, бесплодной духовной пустыне проросло семя желания носить женскую одежду?

В глубине памяти хранилось размытое временем изображение. Наверное, ему было лет семь или восемь, когда мать взяла его на показ мод высокой моды. На подиуме модели в божественных нарядах ступали легко и уверенно, излучая свет. Легчайшая тюль, сверкающие пайетки, струящийся шелк... Все это олицетворяло черты, прямо противоположные тем, что требовали в нем: жесткости, хладнокровия, силы. Это было нечто мягкое, прекрасное, чувственное — своего рода хрупкость, которой можно было любоваться.

Тогда, будучи маленьким, он не понимал, что именно поразило его душу. Это было лишь смутное влечение, инстинктивная тяга к высшей красоте и свободе самовыражения. Это чувство было подобно глубоко зарытому семени в темной почве, ожидающему малейшего шанса.

Настоящий толчок случился, вероятно, одним днем в подростковом возрасте. Он листал тяжелый альбом по искусству в огромной семейной библиотеке и случайно увидел Рождение Венеры Боттичелли. Богиня, поднимающаяся из морской пены, ее нежная кожа и гибкое тело — это была чистая красота, выходящая за пределы гендера. В тот миг смутное влечение детства обрело ясность: он жаждал не стать человеком с картины, а прикоснуться к этой красоте, прочувствовать ее.

Первая тайная примерка материнского шелкового платка, чья прохладная и скользкая текстура заставила его содрогнуться; первое неловкое использование бесцветного блеска для губ, когда, глядя в зеркало, он видел слабое сияние — все это рождало огромное чувство вины и невыразимый восторг. Эти исследования проходили в абсолютном секрете и были для него

единственной скрытой щелью в хрустальной клетке, позволявшей глотнуть воздуха.

Много лет он был подобен талантливому актеру, идеально исполняющему роль Шэнь Цинцы. Он глубоко запирал в самых темных уголках души то истинное я, которое любило мягкие ткани, изысканный макияж и жаждало иных форм самовыражения, опечатывая это слоями разума, ответственности и ледяного безразличия.

Он думал, что сможет продолжать так вечно, пока не унаследует семейное дело, не заведет семью и не проживет жизнь точно по сценарию. Его тайное увлечение навсегда останется сокрытым от глаз секретом, уйдя вместе с ним в могилу.

Но семя, раз пустив росток, обрело силу пробить землю. Чем дольше его подавляли, тем сильнее становилось желание вырваться на волю. Кризис семейного банкротства стал ударом, который разбил его кажущуюся прочной оболочку и случайно сорвал печать.

И сегодня вечером это бархатное платье и анонимное видео стали уже не тихим шепотом во тьме, а первой попыткой заточенного на долгие годы безмолвного Я издать слабый, но отчетливый крик.

Шэнь Цинцы откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Кончики пальцев бессознательно поглаживали тонкую текстуру бархатного подола. Его охватила глубокая усталость — не физическая, а моральное истощение от многолетней игры другого человека. Но в то же время в душе, словно скрытое течение, зародилось нечто новое.

Это был голос Цинцин. Она больше не хотела существовать лишь в тайной комнате перед зеркалом, она хотела большего — больше самовыражения, больше присутствия, пусть даже в виртуальном анонимном мире, просто бросив едва заметную тень.

Он понимал, что путь впереди непредсказуем и полон опасностей. Но в этот раз он больше не хотел подавлять себя до конца. Та хрустальная клетка все еще существовала, но он, кажется, нашел способ позволить своей истинной части вздохнуть и, возможно... тайком пустить корни.

Ночь была нежной, обнимая этого молодого человека в красном платье, чья душа только что пережила безмолвную бурю. Он еще не знал, как сложится его дальнейший путь, но одно было ясно: в том самом идеальном, лишенном собственного я образе Шэнь Цинцы появилась первая трещина. И через нее начал пробиваться свет.

<http://bllate.org/book/20970/2128508>